

Юноша увидел Яна Сывэя и улыбнулся ему — так же искренне и светло, как при их первой встрече.

Одежда Лу Аньяня пропиталась алой кровью. Его губы, бледные от потери крови, казались неестественно яркими на фоне кровавых подтеков.

— Ян Сывэй, я не вернусь. Будь осторожен в дороге, — произнес он так буднично, будто давал наставление старому другу.

— Лу Аньянь, иди сюда! Там опасно! — в отчаянии закричал Ян Сывэй.

Лу Аньянь обернулся, махнул рукой, и его силуэт постепенно растворился в бушующем пламени. Это было последнее, что он сделал для своего приемного отца — уничтожил улики. Он был благодарен ему за воспитание, но на этом всё и заканчивалось.

Съемки давно завершились, но атмосфера на площадке оставалась тяжелой. Смерть персонажа Лу Аньяня не оставила равнодушным никого.

Впрочем, были и исключения. Если не считать самого исполнителя роли, Чэн Хаоянь пребывал в отличном настроении: во-первых, он считал, что отлично справился с задачей, а во-вторых, у него наконец-то появилось время побыть с Чэнь Синьбо.

Хотя в последнее время они виделись каждый день, у него почти не было возможности подумать о чем-то, кроме работы.

— Сяо Янь, — чья-то рука по-свойски легла на плечо Чэн Хаояня. Кто-то наклонился и что-то прошептал ему на ухо.

Лицо Чэн Хаояня, только что сиявшее радостью, мгновенно вытянулось. Это был Хуан Лэжун. Он сказал:

— Ты-то отснялся, а фильм еще нет. Чэнь Синьбо должен работать дальше.

Лишь когда все начали собирать вещи, готовясь к отъезду, до людей дошло, что всё закончилось. Лица засияли.

Больше месяца они жили здесь словно отшельники, и этому наконец пришел конец!

По площадке разнесся радостный гул, все оживились, кроме помрачневшего Чэн Хаояня.

Сначала их ждал автобус до города, а там — разъезд.

В автобусе сиденья были рассчитаны на двоих. Чэнь Синьбо сел рядом с Чэн Хаоянем и, заметив его печальный вид, удивился:

— Что случилось?

— Брат, — глаза Чэн Хаояня намокли, он смотрел на Чэнь Синьбо с таким обиженным видом, словно щенок, а щеки его были надуты от досады. — Съемки не закончены, но моя роль отыграна. Я больше не смогу видеть тебя каждый день!

Уголки губ Чэнь Синьбо поползли вверх. Глядя на Чэн Хаояня, он почувствовал, как сердце

смягчилось. Его рука словно сама собой потянулась к лицу юноши и легонько ущипнула его за надутую щеку:

— Будет время — напишу тебе, — он помедлил и добавил: — И позвонить тоже можно.

Чэн Хаоянь почувствовал, что получил хоть какое-то утешение: звонки — это лучше, чем ничего, по крайней мере, это не глухая гора без связи.

Подумав об этом, Чэн Хаоянь потерся щекой о руку Чэнь Синьбо, которая всё еще лежала на его лице, отчего тот смущенно ее убрал.

Чэнь Синьбо почувствовал, как лицо заливают жар.

— Может, завалимся в городе куда-нибудь поесть? — громко спросил режиссер, сидящий в первом ряду. — Месяц ели одну траву, так хочется шашлыков! Хуан Лэжун сказал, что угощает!

— А?

— Ура!

— Спасибо, босс!

— Великий актер щедр!

— Я такого не говорил! — возмутился Хуан Лэжун.

Впрочем, в итоге платить одному Хуану Лэжуну, конечно, не пришлось.

К моменту прибытия в город уже стемнело. Группа отправилась в шашлычную, чтобы побаловать свои желудки.

Атмосфера в команде была отличной, все ели с удовольствием и, конечно, немало выпили.

Один из операторов даже забрался на стул и пустился в пляс.

Режиссер, который в индустрии слыл человеком суровым и строгим, сейчас, с галстуком на голове, пытался «навешать лапши на уши» захмелевшему Чэн Хаояню.

Чэн Хаояня на площадке все любили, а после его блестящей финальной сцены ему налили немало, и теперь он был явно пьян.

— Чэн Хаоянь, в следующем моем фильме ты будешь играть главную роль, снимешься — и станешь кинозвездой...

Пьяный Чэн Хаоянь был на удивление послушным: сидел, сложив руки на коленях, с прямой спиной, словно школьник на уроке, внимательно слушал бормотание режиссера и невпопад кивал.

Чэнь Синьбо по профессиональным соображениям не пил — руки хирурга не должны дрожать. Он откинулся на спинку стула, подперев голову рукой, и с интересом наблюдал за шатающимся парнем.

Хуан Лэжун, сидевший рядом, снимал режиссера на телефон и приговаривал:

— Редкое зрелище. Это же сокровище! Проснется — ему будет ужасно стыдно...

— Он часто так делает? — с любопытством спросил Чэнь Синьбо, указывая на режиссера.

— Второй раз вижу. В прошлый раз, когда наш совместный фильм взял награду, он напился и пристал ко мне с разговорами о мечтах, — Хуан Лэжун недовольно скривился.

Тогда он так заговорил Хуан Лэжуна, что тот уснул прямо за столом. Даже тогда он уже не был новичком в индустрии, чтобы верить в подобные рассказы.

Снаружи на стекло упал свет. Окно, до этого темное, внезапно озарилось.

Чэнь Синьбо и Хуан Лэжун подошли к панорамному окну. Вдалеке в небо били столбы огня, превращая ночь в день и освещая всё вокруг, словно рисуя на ночном небе огненный свиток.

Хуан Лэжун помрачнел, его красивые брови сдвинулись:

— Там, кажется, торговый центр? Пожар серьезный.

Шум был сильный, его заметили почти все. У тех, кто еще сохранял трезвость, аппетит пропал — все были обеспокоены масштабами бедствия.

Ужин быстро подошел к концу.

Единственными, кто оставался в здравом уме, были Чэнь Синьбо и Хуан Лэжун. Хуан привык к таким застольям и умел вовремя уклоняться от лишних рюмок. Поэтому именно им пришлось заниматься отправкой группы по домам.

Разобравшись с пьяными, Хуан Лэжун подошел к режиссеру, поставил его на ноги и вместе с рабочим сцены запихнул в машину. Режиссер пытался сопротивляться, продолжая рассуждать о великом будущем, но Хуан захлопнул дверь прямо у него перед носом. Режиссер притих, хотя голова у него всё еще шла кругом.

Когда с остальными было покончено, Чэнь Синьбо снова переключил внимание на Чэн Хаояня.

Тот всё так же послушно сидел на месте, неотрывно глядя на Чэнь Синьбо. Куда бы тот ни шел, взгляд юноши следовал за ним.

Чэнь Синьбо подошел, коснулся покрасневшего от алкоголя лица Чэн Хаояня и низким, мягким голосом спросил:

— Идти сможешь? Помнишь, где живешь?

Чэн Хаоянь кивнул, выложил свой адрес и, желая доказать, что способен стоять, нетвердо поднялся на ноги. Чэнь Синьбо, опасаясь, что он упадет, тут же придержал его.

Стоило Чэн Хаояню выровняться, как он расплылся в улыбке.

Чэнь Синьбо, вздохнув, закинул руку юноши себе на шею, перенося его вес на себя, и, попрощавшись с Хуан Лэжуном, вышел.

На улице он вызвал такси. Пока они ждали, Чэн Хаоянь, прижавшись к нему, принялся разглядывать их обувь.

Ночной воздух был прохладным, и Чэн Хаоянь немного протрезвел. Глядя на Чэнь Синьбо, стоявшего в десяти сантиметрах, он прошептал:

— Чэнь Синьбо.

Тот обернулся. Чэн Хаоянь смотрел прямо на него. Расстояние было таким малым, что Чэнь Синьбо чувствовал на своем лице его дыхание, пропитанное алкоголем.

— Ты мне очень нравишься. А я тебе?

Чэнь Синьбо не пил, но от этого дыхания, обдававшего его лицо, сам словно опьянел.

Взгляд Чэнь Синьбо опустился с глаз Чэн Хаояня на его губы. Они были яркими, как спелая вишня, слегка приоткрытыми, обнажая белые зубы.

Чэнь Синьбо медленно приблизил лицо. Чэн Хаоянь, видя это, затаил дыхание. Когда губы почти соприкоснулись, юноша, для которого это было впервые, зажмурился. Но долгожданного поцелуя не последовало. Вместо этого он почувствовал легкое, невесомое прикосновение к своему лбу.

— Отвечу, когда протрезвеешь.

Чэн Хаоянь приоткрыл глаза. Не успев осознать происходящее, он услышал ответ и, недовольно надувшись, отвернулся, всем своим видом показывая: я с тобой не разговариваю.

Машина приехала быстро. Чэн Хаоянь, утомленный алкоголем и мерным покачиванием авто, вскоре уснул на плече Чэнь Синьбо.

Когда они добрались до дома, юноша спал крепким сном. Чэнь Синьбо с легкой усмешкой щелкнул его по лбу, отчего тот недовольно нахмурился и зачмокал губами.

Достав ключи из кармана Чэн Хаояня, он взвалил его на спину и поднялся в квартиру.

Внутри было так же уютно, как и сам хозяин — чисто, тепло и с детской непосредственностью. Повсюду стояли фигурки Лабубу, а подарки от фанатов были аккуратно сложены в отдельном шкафу.

Уложив Чэн Хаояня в кровать, Чэнь Синьбо снял с него обувь и куртку, заботливо протер лицо и руки полотенцем.

Прибравшись, он вышел из спальни и принялся искать аптечку.

Его взгляд упал на шкафчик, где стоял ряд неприметных коробочек. Чэнь Синьбо подошел, взял одну и невольно рассмеялся.

Это же та самая мазь от аллергии, которую он когда-то прописал Чэн Хаояню! Тридцать с лишним тюбиков! Этот глупый мальчишка что, боялся, что кто-то не узнает, в кого он влюблен?

Он нашел стикер и ручку, что-то написал, наклеил записку на коробку с мазью, а рядом

положил таблетки от похмелья и стакан воды. Погасив свет, он тихо закрыл за собой дверь.

Похмелье не щадит никого, и Чэн Хаоянь не стал исключением.

Проснувшись, он почувствовал, будто по голове стучат молотком.

Вокруг — знакомая обстановка. Он дома. На тумбочке — лекарство и вода.

Как я вернулся?

Чэн Хаоянь, как назло, ничего не помнил. Запивая таблетку, он пытался восстановить события вчерашнего вечера, решив, что его привез Мэн Ваньчжоу.

Но сон ему приснился хороший.

События вспоминали с трудом, а вот сны — очень даже ярко.

Чэн Хаоянь коснулся лба и глупо улыбнулся.

Потом, пошатываясь, дошел до гостиной — первым делом нужно было проверить свое сокровище, мазь от аллергии.

И тут его взгляд упал на броский стикер, наклеенный на коробочку.

Прочитав написанное, он окончательно протрезвел.

На стикере красивым почерком было выведено:

Я узнал. — Чэнь Синьбо

Информация была слишком ошеломляющей. Чэн Хаоянь сел на пол, обхватив голову руками, пытаясь привести мысли в порядок.

Моя мазь!

Мой план раскрыт?

Что подумает брат, увидев столько тубиков?!

Какую отговорку придумать?

И это брат привез меня вчера?

Значит, это был не сон?

Я признался?

Я действительно признался.

Что он имел в виду?

Отвечу, когда протрезвеешь.

Могу ли я спросить его прямо сейчас?

Спасите меня!!

Чэн Хаоянь уткнулся лицом в подушку, чувствуя, что мозг вот-вот взорвется. Он жалел, что пил.

Взглянув на часы — пять десять утра, он решил позвонить Мэн Ваньчжоу.

— Алло... — раздался сонный голос.

— Брат, это ты вчера привез меня домой?

— А... вчера... я тебя вообще не видел...

— Хорошо, спасибо! — и Чэн Хаоянь отключился.

«Мелкий засранец, разбудил из-за этого?» — проворчал Мэн Ваньчжоу, но сон взял свое.

Чэн Хаоянь больше не мог уснуть. Он был уверен: вчерашнее — не сон.

Что же значат слова Чэнь Синьбо?

Он очень хотел позвонить ему, но боялся потревожить.

Он кружил по гостиной, то поднимая, то опуская телефон.

Вдруг он вспомнил фразу, которую Чэнь Синьбо сказал на площадке:

Луна встречается облака, цветы — попутный ветер, ночное небо сегодня прекрасно.

Чэн Хаоянь вбил эти слова в поиск и увидел полную версию:

Луна встречается облака, цветы — попутный ветер, ночное небо сегодня прекрасно, а я снова скучаю по тебе.

Снова скучаю по тебе... снова скучаю по тебе...

Эти слова бесконечно крутились в голове. Он вспомнил, что сам спросил его в первый день на площадке:

Я очень скучал по тебе в это время, а ты?

Значит, он ответил ему.

Получив ответ, Чэн Хаоянь больше не мог ждать. Дрожащими пальцами он набрал номер Чэнь Синьбо.

Он хотел услышать его голос, хотел, чтобы тот лично сказал, что любит его. Хотел сказать, что хочет видеть его, обнять, быть с ним.

Но вместо теплого голоса раздалось холодное: «Аппарат абонента выключен».

Наверное, вчера так устал, что забыл зарядить телефон.

Брат еще спит, перезвоню позже.

Чэн Хаоянь послушно сидел на диване, пытаясь успокоиться.

Каждый час он набирал номер, но телефон всё еще был выключен. К одиннадцати утра он сдался.

Он вспомнил, что оставил машину у больницы Чэнь Синьбо, и решил, что это будет отличным предлогом для визита.

Приехав в больницу, он напрямик направился к кабинету Чэнь Синьбо. Дверь, которая обычно была открыта, оказалась заперта.

В этот момент мимо проходила Чжун Ситан:

— Ты ищешь доктора Чэня? У него дела, он сейчас здесь не появится.

Видя растерянность Чэн Хаояня, она пояснила:

— Вчера вечером в областную больницу срочно вызвали врачей. Я точно не знаю, но, думаю, это связано с ночным пожаром. Доктор тогда был не здесь, я просто дала им его номер.

Узнав, что с Чэнь Синьбо всё в порядке, Чэн Хаоянь успокоился. Нужно просто подождать.

Но прошла неделя, а Чэнь Синьбо словно испарился. Телефон по-прежнему был выключен.

Из новостей Чэн Хаоянь узнал, что пожар был ужасным, много пострадавших. В больнице собрали консилиум лучших специалистов, чтобы снизить смертность.

Чэн Хаоянь очень хотел найти его, но знал, что в больнице сейчас не до него. Он не хотел мешать.

Он думал, что подождать пару дней будет достаточно, но время шло, и встреча казалась всё более призрачной.

Вышел трейлер нового сериала, и он произвел фурор. Несмотря на то, что это был детектив с Хуаном Лэжуном в главной роли, несколько секунд появления Чэн Хаояня с его светлой улыбкой покорили зрителей.

Компания, желая продвинуть Чэн Хаояня, тут же завалила его коммерческими предложениями.

Он стал занят, ему приходилось улыбаться фанатам, но по ночам он доставал тот самый стикер и перечитывал его.

Жизнь стала такой же, как до встречи с Чэнь Синьбо. Если бы не эта бумажка, он бы решил, что всё это было сном.

Чэн Хаоянь никогда не думал, что ожидание растянется на месяц.

Раньше он хотел встретиться, чтобы узнать ответ, теперь — просто чтобы увидеть его живым.

Он думал, что забудет голос и лицо Чэнь Синьбо, но образ в памяти становился лишь четче.

Он сотни раз порывался бросить всё и поехать к нему, но каждый раз разум брал верх.

В один из дней, когда Чэн Хаоянь был на прямой трансляции, его телефон лежал у помощника.

После завершения он взял телефон, чтобы проверить расписание от Мэн Ваньчжоу. Загорелся экран, всплыло сообщение и один пропущенный вызов. От имени, которое он так долго ждал, у него перехватило дыхание.

Прости, Хаоянь, только сейчас увидел твои сообщения.

Ты занят?

Я в комнате отдыха дерматологии областной больницы.

Я хочу тебя видеть.

Прости, я не могу сейчас приехать, если увидишь сообщение — приедь ко мне, пожалуйста.

— Мне нужно идти.

Чэн Хаоянь сунул стакан воды помощнику, схватил ключи от машины и бросился к выходу.

До больницы было минут двадцать езды, но ему казалось, что он едет целую вечность. Сердце колотилось, кровь горела.

Добравшись до больницы, он бросил машину где попало и вбежал внутрь. Медсестра, видимо, уже была предупреждена, поэтому не удивилась и указала дорогу, добавив:

— Доктор Чэнь оперировал больше десяти часов, он, скорее всего, спит, не шумите.

У двери комнаты отдыха он оробел, но глубоко вздохнул и тихонько открыл дверь.

Внутри было тихо. Тот самый человек сидел перед ним.

В зеленом хирургическом костюме, с закрытыми глазами, он спал, откинувшись на спинку дивана. Его лицо осунулось, под глазами залегли темные тени, на щеках — следы от маски, пробивалась щетина.

Чэн Хаоянь сел рядом, у него защипало в глазах. В его памяти Чэнь Синьбо всегда был безупречен.

Он осторожно взял голову Чэнь Синьбо и положил ее себе на плечо, чтобы ему было удобнее. Затем аккуратно вытянул телефон из его руки и сжал его ладонь.

Чэн Хаоянь прижался головой к его волосам.

Через какое-то время ресницы Чэнь Синьбо дрогнули. Он открыл глаза, еще сонные и затуманенные. Почувствовав, что лежит на чьем-то плече, он медленно поднял голову и увидел перед собой лицо, о котором грезил всё это время.

Словно под гипнозом, Чэнь Синьбо поднял руку, коснулся щеки Чэн Хаояня, погладил ее большим пальцем, а затем, притянув его за затылок, накрыл его губы своими.

В тот день, когда Чэнь Синьбо ушел от Чэн Хаояня, ему позвонил учитель, заведующий отделением дерматологии.

Пожар в торговом центре был страшным, много людей получили тяжелые ожоги.

В больнице не хватало рук, нужны были специалисты.

Чэнь Синьбо, не раздумывая, поехал в больницу прямо от дома Чэн Хаояня. По пути он изучал истории болезни.

Приехав, он понял, что всё еще серьезнее, чем он думал. Ему не дали даже передохнуть — сразу одели в хирургический костюм и отправили в операционную.

Этот месяц пролетел как в тумане: бесконечные операции, сложнейшие диагнозы, консилиумы... Он не знал, как он вообще это выдержал.

Чэнь Синьбо почти не удавалось выспаться, да и те редкие минуты отдыха не приносили покоя: стоило только закрыть глаза, как его тут же будил сигнал экстренного вызова.

Свой мобильный телефон он куда-то подевал — скорее всего, оставил в кабинете главврача еще в первый день. С тех пор он был поглощен бесконечной чередой дел, порой проводя за сложнейшими операциями по десять с лишним часов подряд. Чэнь Синьбо выматывался настолько, что засыпал, едва опустившись на стул.

На самом деле он и сам не знал, сколько времени прошло. Здесь, в больнице, для него стерлись границы между днем и ночью, и он уже целую вечность не выбирался наружу. У него почти не было свободных минут, чтобы подумать о Чэн Хаояне, но он понимал — его не было слишком долго.

Впервые в жизни Чэнь Синьбо по-настоящему пожалел о чем-то. Если бы он знал, что его запрут в больнице на столь долгий срок, он обязательно предупредил бы Чэн Хаояня, что может пропасть со связи, попросил бы не волноваться и признался бы, что тоже любит его.

Наконец, в больничной суматохе наступило затишье, и первым делом он отправился за своим телефоном.

Аппарат давно разрядился. Как только Чэнь Синьбо подключил зарядку и включил устройство, на него градом посыпались уведомления о пропущенных вызовах и сообщениях. Почти все они были от Чэн Хаояня:

— Брат, ты проснулся?

— Брат, то, что было вчера, ведь не сон?

— Как проснешься, дай знать.

— ...

— Я сегодня заезжал в твою больницу за машиной. Чжун Ситан сказал, что ты в областной больнице. Там очень много работы?

— Береги себя, брат!

— ...

— Прошло уже полмесяца!

— Вышел новый трейлер, кажется, я неплохо справился!

— У меня стало намного больше съемок!

— Я тоже начинаю пропадать в делах. Похоже, брат, я становлюсь популярным!

— ...

— Прошел уже месяц. Брат, я очень по тебе скучаю.

— ...

Чэнь Синьбо давно знал, что Чэн Хаоянь испытывает к нему симпатию. Скорее даже, Чэн Хаоянь никогда ее не скрывал.

Чэнь Синьбо набрал номер Чэн Хаояня, но тот не ответил. Наверное, занят, подумал он и отправил сообщение. Затем он позвонил на стойку регистрации и попросил медсестер, если кто-то будет его искать, передать, что он в комнате отдыха дерматологического отделения.

Закончив с делами, Чэнь Синьбо открыл свой аккаунт в Инстаграме, куда заглядывал крайне редко. Он искал все то, что пропустил за этот месяц, просматривая посты фанатов и прямые эфиры Чэн Хаояня на других платформах.

Указательный палец Чэнь Синьбо скользил по экрану, обводя знакомые черты лица и эту улыбку, от которой замирало сердце. Сдерживаемая долгое время тоска вырвалась наружу, нахлынула, словно бурный поток, поглощая его душу.

В горле у Чэнь Синьбо запершило. Он откинул голову на спинку дивана, глядя на яркую лампу дневного света, и тяжело вздохнул. Вслед за этим навалилась усталость, и веки медленно сомкнулись.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда он открыл глаза. Всего в нескольких сантиметрах от него было лицо, которое он до этого видел лишь на экране телефона. Сердце, изъеденное тоской, потеряло всякую способность рассуждать. Он не знал, сон это или явь, но сейчас хотел лишь одного — коснуться губами этих губ.

И он сделал это.

Сначала это было лишь легкое касание, но, как только они соприкоснулись, этого стало мало обоим, изголодавшимся по близости.

Пальцы Чэнь Синьбо, лежавшие на шее Чэн Хаояня, потянулись вверх, нежно перебирая мягкие пряди волос, пока он продолжал целовать его. Чэнь Синьбо приоткрыл рот, слегка прикусил нижнюю губу Чэн Хаояня и, раздвинув зубы кончиком языка, проник внутрь, увлекая его в глубокий, тягучий поцелуй.

Чэн Хаоянь отвечал на его ласки, сплетаясь с ним языком и жадно впитывая тепло.

Спустя долгое время они отстранились, и между их губами потянулась тонкая серебристая нить.

Чэн Хаоянь не заметил, как у него на глазах выступили слезы. Впрочем, его нельзя было винить: он ждал ответа так долго, бесконечно долго.

Чэн Хаоянь смотрел на Чэнь Синьбо с обидой, нежностью и тоской... Его губы дрожали, он выглядел таким несчастным. Чэн Хаоянь уже хотел что-то сказать, но его опередил Чэнь Синьбо:

— Прости, пришлось долго ждать, — взгляд Чэнь Синьбо стал ясным. Он снова поцеловал Чэн Хаояня, прижался лбом к его лбу и тихо добавил: — Ты мне очень нравишься, Чэн Хаоянь. Давай будем вместе?

Чэн Хаоянь молчал, плотно сжав губы, а в глазах стоял туман. Он протянул руки, обнял Чэнь Синьбо, вцепившись в одежду на его поясице, и уткнулся лицом в его плечо.

Когда его лишили роли, он не плакал. Когда месяц ждал встречи, он не плакал. Когда наконец увидел Чэнь Синьбо и поцеловал его, он не плакал. Но услышав эти извинения и признание, Чэн Хаоянь больше не смог сдерживаться.

Чэнь Синьбо почувствовал, как его плечо стало влажным от горячих слез. Он крепко обнял Чэн Хаояня в ответ, поглаживая его по затылку.

Через долгое время Чэн Хаоянь кивнул, издав носом мягкий, едва слышный звук согласия.

Что было дальше, Чэн Хаоянь помнил смутно. Вернувшись домой, он все еще чувствовал себя как в тумане — от переизбытка эмоций все происходящее казалось сном.

Чэнь Синьбо остался в больнице, так как дела еще не были завершены.

Чэн Хаоянь смотрел на свое отражение в зеркале: после душа волосы еще хранили капли воды, которые стекали по щекам к ключицам, а лицо горело — то ли от жара, то ли от чего-то еще.

Отражение выглядело растерянным. Он коснулся своих губ рукой, глядя на самого себя. Вдруг

его глаза согнулись в полумесяцы, в них засияли звезды, а уголки губ поползли вверх, обнажая белоснежные зубы. Он улыбался как дурак, и эта сладость переполняла его.

Чэн Хаоянь и Чэнь Синьбо были теперь вместе, и Чэн Хаоянь, конечно, не стал скрывать это от Мэн Ваньчжоу. На следующий день, обсуждая график, он признался ей. Они были в конференц-зале компании, Мэн Ваньчжоу как раз разбирала документы с его будущими планами. Поначалу она даже не поняла смысла слов:

— О-о, хорошо, вместе, значит. — А потом ее рука замерла. В зале воцарилась тишина на несколько минут, после чего раздался полный ужаса крик Мэн Ваньчжоу, едва не опрокинувший столы:

— Что? Что ты сказал? Повтори еще раз!

— Мы с Чэнь Синьбо теперь вместе. Брат, можешь потише? Я чуть сердце не выплюнул от испуга.

— Ты еще боишься, что я громко кричу! Чье сердце выплюнуло? Кто тут чуть не умер от страха! — Мэн Ваньчжоу глубоко вдохнула, приложила руку ко лбу и пробормотала себе под нос: — Еще не поздно уволиться? — Затем она бросила взгляд на Чэн Хаояня: — Этот ребенок обычно такой послушный, как же он умудряется постоянно выкидывать такие фортели?

Мэн Ваньчжоу все же не оставила попыток вразумить его:

— Ты уверен, что это необходимо? Это ударит по твоей карьере.

— Да, он мне очень нравится, — твердо и без колебаний ответил Чэн Хаоянь. — И актерская карьера, и Чэнь Синьбо для меня одинаково важны. Я не хочу отказываться от чего-то одного, даже не попробовав совместить.

Видя такую решимость, Мэн Ваньчжоу сдалась:

— Тогда обещай мне, что будешь скрывать это как можно дольше! Хотя бы пока не закончится показ твоего нового сериала. У тебя сейчас период взлета, не позволяй подобным вещам навредить тебе.

Чэн Хаоянь понимал меру и, не споря, кивнул.

При мысли о том, как из-за одного слова Чэн Хаояня вырастет ее объем работы, Мэн Ваньчжоу почувствовала, как заныла голова. Она проклинала себя за то, что когда-то считала его спокойным ребенком!

В последние дни Чэн Хаоянь виделся с Чэнь Синьбо нечасто, но, по крайней мере, тот больше не пропадал со связи. Чэн Хаоянь каждый день рассказывал ему о своей жизни: что ел на обед, какие забавные случаи происходили на съемках, делился подарками от фанатов.

Когда появлялось свободное время, он тайком пробирался в областную больницу, и они вместе ужинали в ближайшем ресторанчике.

Однажды во время еды Чэн Хаоянь рассказал о требованиях Мэн Ваньчжоу. Чэнь Синьбо это не удивило, он воспринял все спокойно.

Глядя на его невозмутимость, Чэн Хаоянь решил подшутить:

— А если однажды тебе придется выбирать между мной и чем-то еще?

Чэнь Синьбо даже не поднял головы. Он методично вынимал косточки из рыбы и произнес:

— Я не допущу, чтобы такое случилось. — Голос его был тихим и мягким, но в нем звучала такая непоколебимая уверенность, что не поверить ему было невозможно.

Чэн Хаоянь, который на самом деле не был так спокоен, как казалось, и втайне переживал, вдруг почувствовал странное умиротворение.

Чэнь Синьбо протянул палочки и положил очищенный кусочек рыбы на тарелку Чэн Хаояня. Тот горделиво приподнял бровь и с улыбкой, не стесняясь, отправил рыбу в рот, наблюдая, как Чэнь Синьбо берет следующий кусочек.

Щелк.

Услышав звук, Чэнь Синьбо поднял голову и увидел, что Чэн Хаоянь направил на него камеру телефона.

— Что такое? — с улыбкой спросил он.

Чэн Хаоянь развернул экран: там был Чэнь Синьбо, склонившийся над тарелкой с рыбой.

— Запечатлел своего парня, который выбирает для меня косточки! — с торжеством ответил Чэн Хаоянь.

Чэнь Синьбо беспомощно покачал головой, но на губах заиграла нежная улыбка. Он подцепил палочками любимое блюдо Чэн Хаояня и поднес к его губам. Чэн Хаоянь, глядя на него сияющими глазами, послушно открыл рот.

Успешная «кормежка» вызвала у Чэн Хаояня довольный блеск в глазах. Подул легкий ветерок, полетели листья, стало прохладно — наступила осень.

Закончив обед, они собирались разойтись по делам. Чэн Хаоянь был в летней футболке и, выйдя из магазина, поежился от холода.

Чэнь Синьбо протянул ему свою куртку:

— Похолодало, не простудись.

Чэн Хаоянь знал, что Чэнь Синьбо всегда мерзнет и даже летом носит плотную одежду.

Перехватив обеспокоенный взгляд Чэн Хаояня, Чэнь Синьбо пояснил:

— Со мной все в порядке, в больнице есть еще куртка, да и мне сейчас не холодно.

Под курткой на нем была черная толстовка, выглядевшая вполне теплой. Чэн Хаоянь принял куртку и накинул ее на плечи. От нее пахло легким ароматом антисептика и присущим только Чэнь Синьбо древесным запахом. Чэн Хаоянь тайком закутался в нее поплотнее.

В тот вечер он выложил в Инстаграм новое фото: он в куртке Чэнь Синьбо делает знак «виктория» в гримерке.

Завершающие работы в больнице подошли к концу, и это означало, что Чэнь Синьбо наконец возвращается в свою клинику.

Спустя почти два месяца Чэн Хаоянь вновь посетил больницу Чэнь Синьбо.

Подойдя к его корпусу, он почувствовал, как ветер принес аромат османтуса. Только сейчас Чэн Хаоянь заметил, что среди густой зелени, которую он видел из окна кабинета, были деревья османтуса.

Он поднял голову. Был вечер, солнце садилось, окрашивая небо в золотистые тона. В лучах заката цветы османтуса сверкали, как жемчужины. Ветерок раскачивал ветви, с них опадали лепестки, и сквозь листву он увидел знакомый силуэт у окна.

Чэн Хаоянь улыбнулся, и эта улыбка отразилась в ямочках на его щеках. Она была светлой, как первые лучи солнца, согревая все вокруг.

Время летело быстро, и вот уже глубокая осень. За эти дни Чэн Хаоянь изучил характер Чэнь Синьбо вдоль и поперек. Этот внешне мягкий мужчина в глубине души был очень упрямым и

обладал немалой долей собственности.

И это касалось не только его самого: как только Чэнь Синьбо включил Чэн Хаояня в свой круг, он начал контролировать и его поведение. Если Чэн Хаоянь после тренировки не шел сразу в душ, а лежал на диване в потной одежде, Чэнь Синьбо сначала мягко просил его переодеться. Если же Чэн Хаоянь ленился, тон Чэнь Синьбо становился строгим. Если он продолжал упрямиться, тот начинал злиться, а злился этот человек так, что его было крайне трудно задобрить.

В прошлый раз Чэн Хаоянь два часа бегал за ним по больнице, чтобы помириться. Но, как ни странно, такая властность Чэнь Синьбо его не раздражала — наоборот, она ему даже нравилась. Иногда он задумывался, не извращение ли это.

Пришло время премьеры сериала Мак, в котором снялся Чэн Хаоянь. Он проснулся рано — днем предстояла пресс-конференция. Он написал Чэнь Синьбо:

— Посмотрим вечером Мак вместе? Сегодня первая серия, хочу посмотреть ее с тобой!

Ответ пришел быстро:

— Хорошо. Приезжай после дел в больницу, подождешь меня. Сегодня останешься у меня.

Последние слова заставили Чэн Хаояня застыть на несколько минут. А затем, после короткой паузы, он издал вопль, от которого едва не снесло крышу. Он прыгал по кровати с телефоном в руках — Чэнь Синьбо уже несколько раз бывал у него, но сам он у него дома еще не был. Чэн Хаоянь принялся фантазировать, как выглядит его квартира.

Так что даже на премьере он пребывал в состоянии эйфории. Мэн Ваньчжоу, не выдержав, толкнула его локтем в бок:

— Следи за выражением лица! Ты выглядишь так, будто витаешь в облаках, неуместно для пресс-конференции!

Чэн Хаоянь пришел в себя, послушно кивнул и постарался принять серьезный вид. Но уже через минуту снова начал улыбаться. Мэн Ваньчжоу махнула рукой: в конце концов, счастье — это не так уж плохо. Она с долей жалости посмотрела на него: этот парень и так был не особо умным, а влюбившись, стал выглядеть еще глупее.

— Вы с Чэнь Синьбо вместе? — воспользовавшись тем, что вокруг никого нет, а камеры не направлены в их сторону, Хуан Лэжун тихо подошел к Чэн Хаояню.

Сначала тот напрягся, но, увидев, кто это, выдохнул. Не отвечая прямо, он спросил:

— Откуда ты знаешь?

Хуан Лэжун усмехнулся и перевел взгляд на сияющее лицо Чэн Хаояня:

— По твоему лицу все понятно. Еще на съемках я чувствовал, что между вами что-то есть. Ты-то ничего не скрывал, а вот Чэнь Синьбо... — Хуан Лэжун сделал паузу, глядя куда-то вдаль с задумчивым видом. — Я никогда не видел Чэнь Синьбо таким. Пусть он ничего не говорит, но его глаза, кажется, готовы поглотить тебя целиком.

После премьеры Мэн Ваньчжоу повезла Чэн Хаояня в больницу. По дороге она то и дело поглядывала в зеркало заднего вида, и вид Чэн Хаояня вызывал у нее чувство, будто она выдает дочь замуж. Она глубоко вздохнула и решительно сказала:

— Чэн Хаоянь, хоть завтра у тебя и нет съемок, знай меру. Некоторые вещи... сдерживай себя, не переходи границы.

— А? — Чэн Хаоянь не понял, к чему это, а когда до него дошло, его щеки вспыхнули ярким пламенем. — Мы с братом еще не дошли до такого!

«Еще не дошли, но скоро дойдете», — подумала Мэн Ваньчжоу, но промолчала, боясь, что если ребенок перегреется, врач придет с ней разбираться.

Она высадила его у заднего входа в больницу — охрана их уже знала и беспрепятственно пропустила. Здесь было немногочленно, и отсюда было рукой подать до кабинета Чэнь Синьбо.

Едва приблизившись к зданию, он почувствовал знакомый аромат османтуса. По сравнению с началом осени цветов на ветках стало меньше, они устилали землю золотистым ковром, словно снег.

Когда подул осенний ветер, лепестки закружились в воздухе. Чэн Хаоянь почувствовал, как кто-то подошел сзади, и по знакомому запаху понял, кто это. Чья-то рука осторожно сняла цветок с его волос и тут же взъерошила их.

— Брат.

Голос Чэн Хаояня невольно стал мягким и ласковым.

— Давно пришел?

Чэнь Синьбо взял его за руку и повел к зданию.

— Только что! Брат, представляешь, на премьере было столько фанатов... — Чэн Хаоянь наперебой начал рассказывать о событиях дня, не в силах сдержать восторг.

Чэнь Синьбо смотрел на него с такой безграничной любовью и обожанием, словно хотел раствориться в нем. Он наклонился и поцеловал его в уголок губ — мягкий, тягучий поцелуй, похожий на прикосновение к струнам, вызывающий отклик в самой глубине души.

Чэн Хаоянь уже привык к подобным проявлениям нежности — с тех пор как они начали встречаться, это стало обычным делом, если рядом никого не было.

Вдруг он заметил Чжун Ситана, который застыл у входа в здание, и дернул Чэнь Синьбо за рукав, указывая на него. Чэнь Синьбо тоже увидел коллегу, но его мало волновало присутствие Чжун Ситана — его взгляд был прикован к покрасневшим до корней ушам Чэн Хаояня.

Чэн Хаоянь хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Чэнь Синьбо, боясь, что ребенок начнет дуться, наконец перевел взгляд на Чжун Ситана:

— Что-то случилось?

— Я... я... я принес документы, — наконец обрел дар речи Чжун Ситан. — Я пойду, у меня дела!
— И он бросился наутек.

Завернув за угол, где его никто не видел, Чжун Ситан достал телефон и зашел в Твиттер:

«А-а-а, кто понимает! Мой пейринг стал реальностью!»

На вопрос в комментариях, о ком речь, Чжун Ситан, сохранив остатки рассудка, ответил:

«Секрет!»

<http://bllate.org/book/20731/2075380>